

СОЗДАНИЕ РУМЫНСКОГО ФРОНТА В КОНЦЕ 1916 ГОДА: ПОЛИТИКА ВЗАИМНОГО КОМПРОМИССА МЕЖДУ СОЮЗНИКАМИ АНТАНТЫ НА ВОСТОКЕ

© 2019 г. М.В. Оськин

*Канд. ист. наук, доцент Института законовения
и управления Всероссийской полицейской ассоциации (г. Тула)
E-mail: maxozv@yandex.ru*

Вступление Румынии в Первую мировую войну на стороне Антанты в августе 1916 г. неизбежно предполагало сотрудничество с союзником по Восточному фронту – Российской империей во всех отношениях. Военное взаимодействие двух стран после осенних поражений и отступления в Молдавию вылилось в создание Румынского фронта, формальным главой которого являлся румынский король, а фактическим – русский генерал. Тактика взаимного компромисса позволила союзникам, минимизировав недоверие и недовольство друг другом, углубить сотрудничество военного времени, что позволило Румынскому фронту стать наиболее устойчивой единицей на Востоке вплоть до выхода России из войны.

Romania's entering in World War One on the side of Entente in August 1916 implied a multifaced cooperation with the new ally on the Eastern front – the Russian Empire. Military interaction of the two sides after the autumn defeats and retreat in Moldavia ended with the establishing of the Romanian Front with the King of Romania as its formal commander and the Russian general as an actual one. Their tactics of mutual compromises let the allies to deepen their cooperation in the wartime. As a consequence, the Romanian Front remained a stable unit in the East up to Russia's quit from the war.

Ключевые слова: Румынский фронт, падение Бухареста, помглавкорум Сахаров, военное сотрудничество, миссия Бертело, союзники по Восточному фронту.

Keywords: Romanian front, fall of Bucharest, Pomglavkorum General Vladimir Sakharov, military cooperation, mission of Bertelo, allies in the Eastern Front.

DOI: 10.31857/S0869544X0003668-7

Военные действия румынской армии в 1916 г., в начальный период участия страны в Первой мировой войне (август–ноябрь), закончились поражениями на всех фронтах (Трансильвания, Добруджа, сражение у Фламанды) и потерей столицы. 23 ноября австро-германские войска вступили в Бухарест, объявленный «открытым городом», чтобы избежать разрушений и гибели гражданского населения. К началу декабря, спустя неделю после поражения всех армий (кроме 4-й), общая численность румынских

войск, оставшихся под руководством короля Фердинанда I, не превышала 70 тыс. штыков [1. С. 108].

Таким образом, основная тяжесть борьбы на румынском театре военных действий легла на Российскую империю, по мере возможностей увеличивавшую военную поддержку незадачливого союзника. Падение Бухареста и отступление остатков румынской армии на север, в румынскую Молдавию, побудили русскую Ставку верховного командования в спешном порядке усилить российскую группировку в Дунайской армии В.В. Сахарова, сражавшейся в Южных Карпатах 9-й армии П.А. Лечицкого, а также во вновь формируемых армейских соединениях.

Прежде всего, следовало нарастить мощь Дунайской армии. К концу ноября 1916 г. в Молдавию, на дорна-ватренское направление были переброшены: 26-й армейский и 3-й кавалерийский корпуса из состава 9-й армии; 2-й армейский корпус из 7-й армии; 36-й и 34-й армейские корпуса с Западного фронта; 40-й армейский корпус из состава Особой армии. В октябре удары русской 9-й армии сковали в горах части 1-й и 7-й австрийских армий, отсрочив тем самым австро-германское наступление в Румынию. Это была новая 9-я армия, специально созданная для действий на северном участке Румынии, дабы позволить 4-й румынской армии двигаться в центр страны. Прежние войска 9-й армии, которые находились в ее составе еще в сентябре, были объединены с 8-й армией под управлением А.М. Каледина, и отправлялись в Румынию.

После поражения под Бухарестом румынское командование поспешило вывести остатки армии из-под ударов неприятеля и сколь возможно быстро отойти на северо-восток, навстречу подходившим русским войскам. Тем не менее, общее превосходство противника в численности и разрозненный ввод русских подразделений в бои, по мере прибытия на фронт, позволили германскому командованию фельдмаршала А. фон Макензена теснить союзников по Антанте к рубежу реки Серет. Весь конец года прошел в ожесточенных боях на северо-востоке. Линия фронта стабилизировалась только тогда, когда плотность войск на единицу его протяженности стала нормальной по меркам Восточного фронта.

Российское командование в попытке оказать продвигающемуся врагу достойное сопротивление перебросило в Румынию конные соединения. Кавалерия двигалась быстрее пехоты, а ситуация не позволяла медлить. Тем более что применение конницы было оправдано, ибо австро-германские авангарды также состояли из конных частей. Указания Ставки командующему Дунайской армией В.В. Сахарову от 30 ноября предполагали, что «создавшаяся обстановка на Румынском фронте требует принятия самых решительных мер, дабы остановить развитие успеха противника и не подвергнуть поражению по частям наши подходящие части. На румынскую армию рассчитывать нельзя. Вследствие затруднений в железнодорожных перевозках подать скоро перевозимые в район сосредоточения корпуса не представляется возможным. Признается необходимым безотлагательно двинуть из состава Вашего фронта все, что можно из кавалерийских частей, поддержанных стрелковыми дивизионами, заменив их на позиции пехотными частями». Конницу надлежало отправлять в район Ажуд, а 47-й армейский и 4-й Сибирский корпуса отвести «в район Браилов — Галац, сохраняя в то же время за собой переправы через гирла Дуная у Мачина, Исаки и Тульчи» [2. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 15. Л. 7].

Остановить неприятеля русская конница в одиночку не могла. Армейские же корпуса еще только подходили к Молдавии. Здесь, на линии государственной границы, начался настоящий коллапс, так как румынские беженцы переправлялись в русскую Бессарабию как конечную цель отхода. Поэтому, подобно австро-германцам, российское командование в ходе отступления с румынской равнины было вынуждено приступить к образованию сводных групп из русских и румынских частей. Как писал в своем письме от 4 декабря командир 8-го корпуса А.И. Деникин, «здесь не особенно благопо-

лучно. Расстройство войск, деморализация и шатание мысли в населении. Взаимоотношения запутались, и мне постоянно приходится то принимать в командование румынские войска, то принимать меры к наблюдению за их фронтом, так как неустойчивость их может отозваться трагически на нас» [3. С. 95].

На первом этапе общего отхода сводные группы, как правило, включали в себя русскую кавалерию и румынскую пехоту. В случае же если совместно действовали кавалеристы союзных войск, то союзное командование старалось обеспечить себе численное превосходство, чтобы получить равенство в огне. Если же участок удерживался русским армейским корпусом, то за него можно было быть уже спокойным. Другое дело, что на всю линию фронта русской пехоты не хватало, а немцы перебрасывали в Румынию все новые и новые контингенты, пользуясь остановкой операций на всех прочих фронтах (Верден, Сомма, Галиция). Чем больше румынской территории оказалось бы в руках блока Центральных держав, тем больший продовольственный паек могли получить войска и население Германии и ее союзников.

Образование смешанных групп войск позволило сбить темпы неприятельского наступления. Одной из таких наиболее значительных союзнических группировок стала так называемая группа Вранча в составе двух русских кавалерийских дивизий, а также двух пехотных и двух кавалерийских румынских дивизий, защищавших подступы к долине реки Серет и городу Фокшаны. Городок Фокшаны, находящийся приблизительно в 150 верстах от Бухареста (по прямой линии), был важен благодаря трем обстоятельствам. Во-первых, он находился у реки Серет, что позволило бы союзникам, в случае его удержания, иметь подготовленный для последующего контрнаступления плацдарм. Во-вторых, район Фокшан прикрывал южные укрепления русской 9-й армии, сосредоточенной в Карпатах. В-третьих, Фокшаны — это одна из промежуточных станций на железнодорожной магистрали Яссы — Бухарест, где первая точка находилась в руках русских, а вторая уже контролировалась австро-германцами. В любом случае, чем больше километров железной дороги оставалось бы в руках союзников, тем лучше оказывалось бы исходное положение в преддверии кампании 1917 г.

Соответственно, в районе Фокшан, куда, помимо прочего, противостоящие стороны могли перебрасывать подкрепления по железной дороге, развернулись наиболее ожесточенные бои. К 16 декабря австро-германцы вплотную подошли к Рымнику — другому городку на той же железной дороге, от которого до Фокшан оставалось всего около 30 км. Русско-румынские войска еще удерживались на линии Рымник — Исакача — устье Дуная, но в декабрьских боях русские были отброшены за Фокшаны, где фронт и стабилизировался прямо накануне нового года.

В декабре 1916 г. Фокшаны приобрели особенно важное значение для неприятеля, так как русские войска сумели удержать Галац, хотя фронт вплотную подошел к этому городу, контролировавшему не столько Дунай (все равно устье Дуная было занято немцами), сколько ветку Галац — Рени, соединявшую Румынию и Российскую империю. Галац — это плацдарм союзников на южном берегу Дуная, обеспечиваемый железной дорогой (через реку — паромы) для того, чтобы сосредоточить здесь сильную группировку для контрнаступления. Поэтому штаб фельдмаршала Макензена предпочел понести дополнительные жертвы в затухавших боях на Румынском фронте, но занять Фокшаны.

Как и бельгийский король Альберт I, румынский король Фердинанд I также стал королем без королевства с минимальными вооруженными силами под собственным началом (временной столицей Румынии стали Яссы, комендантом которых был назначен Е.М. Казакевич: российская Ставка первоначально хотела перевести штаб фронта в Кишинев, но румынский король отказался [2. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 422. Л. 147]). Но если бельгийцы по определению не могли сдерживать германский натиск в начале войны, то румыны стали заложниками бездарности собственного военно-политического руководства и несогласованных действий союзников.

Стратегическая некомпетентность румынского командования и быстрое продвижение австро-германцев на восток побудили российскую Ставку к принятию экстренных мер. Простая переброска сил не позволяла достичь эффективного результата. Требовалась новая организация, которая упорядочивала бы управление русскими войсками, находящимися в Румынии. Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта А.А. Брусилов, которому подчинялись действовавшие в Румынии российские войска, жаловался на то, что не может надлежащим образом руководить и 9-й армией в Карпатах, и Дунайской армией в Добрудже. Кроме того, в Румынию спешили все новые и новые соединения, объединить которые под управлением одной армии было невозможно. Да и сам фронт к середине декабря 1916 г. растянулся более чем на 500 км. Передача российских войск в подчинение румынам просто означала их уничтожение. Поэтому в Ставке было принято единственно верное решение — о создании нового фронта.

Еще 24 ноября, на следующий день после падения Бухареста, Верховный главнокомандующий император Николай II повелел сформировать новый, уже 5-й по счету, фронт, первоначально называвшийся Южным. Вследствие затянувшихся на неделю переговоров с румынским королем о прерогативах союзники не могли отладить соподчинение между собой: Сахарову уже сообщили, что он будет назначен командующим новым фронтом, но приказ император отдал лишь 1 декабря: «Румынский фронт надлежит считать выделенным из состава Юго-Западного фронта с 12 часов 3-го сего декабря; в состав фронта, кроме румынских армий, включаются 4-я и Дунайская армии; последнюю предположено именовать 6-й армией» [2. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 15. Л. 8].

В середине декабря Румынский фронт наконец сформировали. Его штаб первоначально расположился в Бырладе, а затем переехал в Яссы. Основой фронтового управления стал штаб Дунайской армии, сами же войска передавались в подчинение штабу 6-й армии, который был образован на основе штаба 24-го армейского корпуса и штаба 6-й армии, до того прикрывавшей столичный район от угрозы со стороны Балтики. Основной проблемой в решении румынской задачи стал вопрос соподчинения между союзными армиями, румынским королем и российским императором, румынскими штабами и российской Ставкой.

Обойти союзников при образовании фронта было невозможно в силу монархической традиции. Поэтому новообразованный Румынский фронт находился под номинальным командованием румынского короля Фердинанда I с прямым подчинением русской Ставке. Фактическое же командование осуществлял помглавкорум — помощник командующего Румынским фронтом — В.В. Сахаров. Румынские армии подчинялись штабу фронта, а следовательно, на практике, русскому командованию. Приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего от 5 декабря за №1683 гласил, что румынский король принимает на себя главнокомандование «русскими и румынскими войсками, действующими на вновь образуемом Румынском фронте».

Разумеется, создание фронта совместными действиями не могло пройти гладко, тем более с румынами, чувствовавшими французскую поддержку, но понимавшими, что без соподчинения не обойтись. Телеграфные переговоры по вопросу о создании единого командования в Румынии начались в середине ноября, накануне падения Бухареста, между Ставкой и представителем русского командования при румынской Главной квартире М.А. Беляевым как посредником между русским и румынским командованием. В разговоре 20 ноября генерал-квартирмейстер Ставки М.С. Пустовойтенко заметил, что на данный момент вместо двух дивизий по конвенции в Румынии уже назначено до 30 дивизий. Следовательно, задачи русских и румынских армий сделались общими, а потому Дунайскую, румынскую и формируемую русскую 4-ю армию надо объединить в новый фронт, что начальник штаба верховного главнокомандующего (наштаверх) М.В. Алексеев уже высказал императору.

Главкомандующим новым фронтом с самого начала предполагался румынский король, но фактическим главкомом должен был стать русский генерал со своим штабом. По совету румынского премьер-министра И. Брэтиано была принята формула, по которой румынский король подчиняется не русскому императору (одна коронованная особа не может подчиняться другой), а — директивам штаба верховного главнокомандующего. Беляев был озабочен формой, в которой следовало представить решение королю, чтобы оно не вызвало «с его стороны обиды» и не привело к дальнейшим недоразумениям в будущем». Ибо король «до крайности самолюбив и постоянно опасается, дабы какая-либо мера не уронила его престижа в глазах румын». Спустя два дня Беляев телеграфировал в Ставку, что король согласен на русские условия создания Румынского фронта. В телеграфном разговоре с Пустовойтенко 23 ноября он еще раз подтвердил, что румынский король подчиняется русскому императору как верховному главнокомандующему и будет выполнять его директивные указания: «Вчера король прямо сказал, что как [главнокомандующий союзными армиями на Западном фронте французский] генерал Жоффр объединяет все командование на Западном фронте, так же необходимо, чтобы государь император объединял все командование на фронте Восточном». Дабы избежать возможных проблем, Беляев уговорил короля дать письменное подтверждение на французском языке [2. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 520. Л. 1а—10, 14—15, 19, 23, 33—36, 42—43].

Первоначально румыны хотели сохранить специальный румынский штаб, что было бессмысленно, так как все должны подчиняться штабу русско-румынской группы армий под российским командованием. К тому же Беляев сообщил о недопустимости присутствия в штабе французских советников короля (миссии генерала А.-М. Бертело): «Они все еще стараются выдвинуть себя на первый план, хотя положение их до некоторой степени уже поколеблено», их лучше использовать в качестве инструкторов румынской армии. Такая опасность действительно существовала: в телеграмме в Ставку русский военный агент в Румынии полковник А.А. Татаринов упомянул, что румынский начальник Генерального штаба Д. Илиеску предложил Бертело «быть фактическим начальником штаба короля, предложив себя в помощники», так как считал, что на назначение русского начальника штаба «король и румынская Главная квартира согласятся» [2. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 420. Л. 18—19]. Следовательно, дабы не допускать ненужного трения в работе штаба фронта, французы должны были быть выведены из его состава.

Беляев сообщил, что окружение короля «ревниво относится к нашим распоряжениям» (под Бухарестом Брэтиано даже настаивал на том, чтобы российские войска подчинялись румынским генералам). Поэтому необходимо проявить осторожность при выборе русского помощника — он и его начальник штаба «должны совершенно свободно владеть французским языком. Это необходимо для того, чтобы не только заставить себя понять в разговоре с королем, но и чтобы можно было в деталях обсуждать вопрос, возражать королю и не оставлять у него впечатление, что благодаря незнанию языка вопрос остался неясным и недостаточно разъясненным». Тем не менее Беляев полагал, что «по всем видимостям, король примет известие о новом фронте доброжелательно, так как теперь совершенно ясно, что спасение возможно только со стороны России». В конечном счете, в Ставку была послана телеграмма короля на французском языке, на которой Николай II, после доклада и совещания с временно исполняющим дела (врид) наштаверха В.И. Гурко, поставил резолюцию «согласен». Помощником главнокомандующего армиями Румынского фронта — короля Фердинанда I — был назначен В.В. Сахаров. Ставка в телеграмме Сахарову сообщила, что главкомом считается румынский король, но следует исполнять только исходящие от императора Николая II директивы относительно операций, управления войсками, снабжения. Помглавкорум должен представлять королю эти директивы, следить и отвечать за их выполнение [2. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 422. Л. 68—75, 108, 228].

Следовательно, румынский король, поступившись частью своих прерогатив, все-таки нашел в себе политическую волю, чтобы пойти навстречу русским доводам о целесообразном разрешении проблемы соподчинения русских и румынских войск на Восточном фронте. Несомненная заслуга Фердинанда I заключается в том, что он достаточно быстро понял, что румынская армия не готова к современной войне и преодолевал инертное сопротивление своего генералитета, на первых порах не желавшего тесного сотрудничества с русскими. Пример — назначение командующим русско-румынскими войсками в Добрудже, объединенными в единую армию, русского генерала А.М. Зайончковского уже 26 августа, спустя всего две недели после вступления Румынии в Первую мировую войну.

И теперь, в конце года, потеряв кадровую армию, столицу и большую часть своей страны, румынский король осознал, что предлагаемый русской стороной компромисс является наиболее оптимальным решением, ибо львиную долю союзных войск Румынского фронта составляли русские. Лучшие человеческие качества короля неоднократно подчеркивали участники тех событий. Одно из интересных описаний Фердинанда I в воспоминаниях дает сын Д.Г. Щербачева, командовавшего Румынским фронтом в 1917 г.: «Король удивительно симпатичен. Он не красив. Его очень портят оттопыренные уши, поэтому он всегда снимается в профиль, так как нос у него красивый. Оригинальна его фигура, когда он без пальто. У него очень тоненькие ножки, выгнутые назад и порядочный животик, то есть впечатление вопросительного знака получается. Как человек он очень хороший, удивительно благородный, симпатичный, неглупый, но очень слабовольный, очень веселый [...]. Очень любезный, и до того даже, что его любезность стесняет» [4. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 577. Л. 2об.].

Оперативное подчинение румынских войск русскому руководству состоялось. Юридически подписывал приказы румынский король, но реально они исходили от русских военачальников. Таким образом, тот самый наиболее выигрышный вариант взаимодействия русских и румын — немедленное подчинение всех румынских частей Ставке в качестве отдельной армии Восточного фронта — в конце концов осуществился.

По сути, проблема соподчинения русских и румынских войск была решена в русской Ставке, где видели, что румынам для реорганизации требуется время, а сепаратных действий допускать было бы ни к чему. Еще 23 ноября Гурко сообщил Сахарову о новом назначении, предложив приступить к формированию штаба фронта: предполагалось сформировать новый, Южный фронт под командованием румынского короля. Соответственно, «Его Величество изволил остановить свой выбор на Вас как на ответственном помощнике Короля с предоставлением Вам прав главнокомандующего фронтом по отношению к русским войскам, входящим в состав фронта» [2. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 15. Л. 4].

Получив новое назначение на повышение, В.В. Сахаров должен был реформировать свой штаб, а кроме того — разобраться с составом русской миссии в Румынии, так как теперь именно он становился ближайшим русским сподвижником румынского короля. Эта миссия для Сахарова была не то чтобы желательной. Еще в конце октября, только-только приняв под командование Дунайскую армию, Сахаров просил не включать румын в состав Дунайской армии и вывести их всех из Добруджи. Он считал, что положиться можно только на русские войска, и телеграфировал в Ставку, что «тыл Дунайской армии, ограниченный лишь Дунаем, до чрезвычайности стеснен, и представляется безусловно необходимым расширить район армии и к северу от Дуная если не на всю Бессарабскую губернию, то хотя бы на Измаильский уезд и соответствующую часть румынской территории», т.е. опереться прежде всего на русский тыл, дабы не связываться с союзниками. Главное же, по мнению Сахарова, «особенно точно, подробно и определенно должно быть выяснено и установлено положение Дунайской армии в отношении румынской армии и короля, которых я почитаю лишь соседом, с коим

обязан держать боевую связь и добрососедские отношения, но отнюдь не более» [2. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 420. Л. 31–34]. Судьба распорядилась иначе, и сотрудничать с румынами Сахарову пришлось в гораздо больших масштабах, нежели в Добрудже. Генерал плохо знал французский язык, принятый в румынской элите, вследствие чего ему приходилось для взаимодействия с румынами общаться с королем Фердинандом на немецком языке.

Из офицерского состава русской военной миссии в Яссах Сахаров ходатайствовал оставить в его распоряжении нового военного агента В.А. Палицына, русского посланника в Румынии А.А. Мосолова и того же А.А. Татаринова [2. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1266. Л. 66, 90], который просил дать ему полк в Финляндской дивизии, куда и убыл в начале 1917 г. Относительно же главного лица миссии — М.А. Беляева, то о взаимоотношениях с помглавкорумом говорит телеграмма Мосолова в Ставку от 30 ноября о необходимости удалить Беляева, хотя король ему и доверяет, так как «очевидно, что генерал Сахаров с ним не уживется». Сахаров не желал советоваться с Беляевым по военным вопросам, между тем как последний, занимая до августа 1916 г. пост начальника Главного управления Генерального штаба, разумеется, считал необходимым вмешиваться в руководство фронтом. В Ставке решили не торопиться, и 2 декабря Беляев получил указание Ставки «ввести Сахарова в курс всех дел и помочь ему разобраться в той сложной обстановке, в которой вы так ясно ориентируетесь» [2. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 422. Л. 199–202, 249]. Но все-таки в начале 1917 г. М.А. Беляеву пришлось покинуть Румынский фронт, чтобы стать последним военным министром Российской империи.

В штаб фронта Сахаров забрал начальника штаба Дунайской армии М.И. Шишкевича, с весны 1915 г. являвшегося начальником штаба 11-й армии, которой до назначения в Румынию в октябре 1916 г. командовал Сахаров. Вместо себя на должность командующего Дунайской армией Помглавкорум предлагал начальника 5-го Сибирского корпуса Н.М. Воронова, а до его прибытия врид командарма стал начальник 4-го Сибирского корпуса Л.О. Сирелиус [2. Ф. 2085. Оп. 1. Д. 15. Л. 40б.]. Однако Дунайская армия вскоре была упразднена, ее войска в основном переданы в 6-ю армию, которую возглавил А.А. Пуриков. Инспектором артиллерии фронта до середины декабря оставался М.Н. Андреев.

В генерал-квартирмейстерскую часть фронта старый генерал-квартирмейстер Сахаров полковник В.М. Черемисинов взял себе в помощники полковника Берха; начальник оперативного отделения капитан Крушевский — капитанов Базаревича и Артемьева; начальник разведывательного отделения капитан Дубяго — капитана Биттенбиндера и ротмистра Кирпотенко, переводчиками — штабс-капитана Гарца и прапорщика Скобиолу. Большой проблемой являлась нехватка переводчиков. 10 декабря Шишкевич сообщал в Ставку: «Для связи со штабами румынских войск, находящихся на фронте, совершенно необходимо назначение в мое распоряжение не менее 4 офицеров генерального штаба, знающих французский язык, так как командирование для этой цели офицеров генерального штаба от войсковых и армейских штабов, тем более от штаба фронта, не представляется возможным». Новый генерал-квартирмейстер Ставки А.С. Лукомский отправил на Румынский фронт капитанов Ростова, Голешкина, Ожаровского, Лесли, Иордана, Чебыкина и Ласточкина, причем последний отправлялся во 2-ю румынскую армию, о чем ходатайствовал командовавший этой армией А. Авереску [2. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1266. Л. 3а, 127, 129, 153, 185]. В штабе Дунайской армии служили четыре переводчика. После образования Румынского фронта во фронтовом штабе стало шесть переводчиков, и в каждой армии фронта — еще по три человека. Должность исполняющего обязанности генерала для поручений при помглавкоруме занял М.М. Воронов; в конце года, в связи с трудностями снабжения Румынского фронта, в штаб был назначен второй генерал-майор для поручений [2. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 283. Л. 9; 68].

Начальником военных сообщений армий Румынского фронта первоначально оставался занимавший этот пост в Дунайской армии полковник Б.С. Стеллецкий, а в декабре его сменил начальник военных сообщений Одесского военного округа А.А. Колпаков. Стеллецкий стал начальником Этапно-транспортного отдела Управления военных сообщений Румынского фронта. Помощником Колпакова назначался А.Я. Месснер (ранее — помощник начальника военных сообщений Кавказской армии). Главным интендантом уже ближе к концу года стал врид начальника окружного интендантского управления Минского военного округа А.Н. Андреев. Главный начальник снабжений — М.И. Кияновский. Интересно, что профессиональные железнодорожники считали, что военные неважно разбираются в задачах железнодорожного транспорта, письмо начальника Юго-Западных железных дорог Э.П. Шуберского министру путей сообщения Э.Б. Войновскому-Кригеру от 1 января 1917 г. констатировало: «На линиях, примыкающих к Одессе, сейчас организуется особый Румынский фронт, который пока дезорганизован и будет приведен в порядок еще нескоро»; Кияновский и Колпаков, по характеристике Шуберского, — «люди совершенно бестолковые» [4. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1068. Л. 5].

К середине декабря 1916 г. Румынский фронт включал 4-ю и 6-ю армии А.Ф. Рагозы и А.А. Пурикова соответственно. С 22 декабря в состав Румынского фронта вошла и 9-я армия П.А. Лечицкого. Итого — 15 армейских корпусов (35 пехотных дивизий) и три конных корпуса (восемь кавалерийских дивизий), часть из которых была вскоре отправлена обратно на другие фронты или в глубокий тыл. Географически русские армии располагались следующим образом: 9-я армия в Карпатах, на стыке с 8-й армией Юго-Западного фронта; по линии дунайских гирл до Галаца — 6-я армия; между 9-й и 6-й армиями, в центре, по рубежу реки Серет — 4-я армия.

Состав войск Румынского фронта к 1 января 1917 года [2. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1030. Л. 115—117]:

	Офицеров налицо	Комплект	Чинovní- ков налицо	Комплект	Солдат налицо	Комплект	Лошадей налицо	Комплект
Боевые ча- сти	15504	-1966	4 982	-1081	829072	-95260	314764	-26555
Запасные войска	1034	+707	87	-17	70833	+59096	1045	-252
Всего во фронте едоков	16584	-2	5 101	-1098	901576	-59131	315996	-26832

К 1 января 1917 г. В 6-й армии числились 4 424 офицера, 189 070 солдат и 45 640 нестроевых при лошадях: 25 662 строевых, 21 337 артиллерийских, 44 069 обозных. В 4-й армии — 3664 офицера, 137 683 солдата и 28 527 нестроевых при лошадях: 32 753 строевых, 17 724 артиллерийских, 24 411 обозных. В 9-й армии — 8 281 офицер, 401 588 строевых солдат и 82 316 нестроевых, при лошадях 33 232 строевых, 43 878 артиллерийских и 72 471 обозный [2. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 404. Л. 23, 72, 111].

К 27 декабря 1916 г. В.В. Сахаров отвел войска на Серетскую позицию, где фронт и стабилизировался. Русские прикрывались естественными рубежами рек Дунай и Серет, одновременно создав на фокшанском направлении, между Фокшанами (немцы) и Марашештами (русские), перевес сил, который позволил

остановить неприятеля. Естественный рубеж оказался весьма кстати обеим сторонам, истощившим силы в маневренных боях в Румынии. Например, приказ командарма 6-й армии А.А. Цурикова от 27 декабря утверждал, что «занятием реки Серет для активной обороны армия закончила труднейший период войны, выпавший на ее долю за последние три недели. Только благодаря вашей несравненной героической доблести, славные войска армии, благодаря искусству и твердости ваших доблестных начальников, противник, имея большое превосходство в силах и преимущества свободы маневрирования, нигде на фронте армии не имел решительного успеха» [2. Ф. 2163. Оп. 1. Д. 1. Л. 232об.].

В свою очередь, остатки румынских войск отправлялись в русский тыл, в Молдавию, где французская миссия А.-М. Бертело занялась их реорганизацией. Из 600 тыс. бойцов середины августа в строю в рядах 2-й армии А. Авереску остались лишь около 70 тыс. 14 декабря румыны донесли в штаб фронта о составе своей 2-й армии: 1-я дивизия — 327 офицеров и 4060 штыков, 3-я — 233 и 5087, 6-я — 301 и 6275, 7-я — 293 и 8341, 12-я — 213 и 4431, 15-я — 624 и 21329 штыков, 1335 сабель, 2-я бригада 5-й дивизии — 133 и 6370, 7-я сводная бригада — 133 и 4715, 5-я бригада каларашей — 1036 сабель. Пополнение войск новобранцами и их обучение — вот задачи, стоявшие перед французами зимой. Здесь энергия генерала Бертело, именно как организатора, проявилась в полной мере. Уже к началу 1917 г., по французским данным, румынская армия насчитывала 179 687 штыков и сабель и 82 545 новобранцев [5. С. 524]. Помимо реорганизации, французы отвечали и за техническое усиление румынской армии. На Восточном фронте уже действовали четыре французских авиационных отряда, а в феврале 1917 г. в Россию прибыли еще два отряда французских летчиков (45 офицеров и 260 нижних чинов и специалистов) с 30 самолетами. Под командованием подполковника Берже их отправили на Румынский фронт [6. С. 94].

Румынская кампания показала низкие боевые качества румынских войск. Все положительные стороны, каковых было немало, оказались нивелированы существовавшей организацией и командованием. Упорство и подчас отчаянная храбрость отдельных румынских частей наглухо блокировались хроническим недостатком вооружения и боеприпасов, а также отвратительным руководством. Высшие штабы, начиная со штаба короля Фердинанда I, как правило, проявили бездарность в руководстве крупными войсковыми соединениями.

Это обстоятельство не было виной, но — бедой неопытных румынских вооруженных сил. Точно так же в начале войны немцы, австрийцы, русские и французы существенно проредили командный состав, убирая из строя наименее подготовленных военачальников. Но тогда все стороны делали это одновременно. Румыны запоздали с участием в войне, полководческие достоинства генералов выяснили только боевые действия, но теперь — против австро-германцев, уже имевших испытанные кадры. В 1915 г. германцы помогли болгарам пройти неприятную стадию самоочищения командного состава, да к тому же болгары наступали против ослабленной сербской армии, по которой главный удар наносили все те же немцы. Румыны же сразу столкнулись с сильнейшей военной машиной, а русской помощи, вследствие собственного отказа от таковой, не было. Вспомним, что А.М. Зайончковский был назначен начальником соединенной русско-румынской группировки уже на 10-й день по вступлении Румынии в войну, а ведь сначала предполагалось, что русский 47-й корпус будет подчиняться румынскому командарму-3. Румынский король, по чьей инициативе состоялось назначение Зайончковского, быстро понял недостатки своего генералитета, но изменить ситуацию было не в его силах, что вызвало тяжелое поражение в Трансильвании и под Бухарестом. В 1917-м году все изменилось.

Командование свело на нет достаточно высокое качество солдатского и обер-офицерского состава румынских вооруженных сил. Об этом же говорят те русские фронтовики, которые поражались отсталости румынской тактики, не говоря уже об оперативном искусстве. Румыны проигнорировали все новое, что появилось за два года Первой мировой войны. Русским приходилось не только сражаться, но и обучать своих союзников современным способам ведения войны, учеба давалась излишней кровью, да и разгромили румынские армии раньше, чем они успели научиться. Например воевавший в Румынии русский офицер вспоминал, что «до прихода русских войск румыны, не имевшие опыта в войне, занимали фронт несплошной линией, плохо наблюдали за незанятыми промежутками, окопов не рыли, рыть их в каменистой почве гор было очень трудно. Офицеры держались обособленно от солдат, были изнежены, многие носили корсеты, румянились. Они командовали своими частями издали: командир батальона сидел в нескольких верстах от передовой и названивал по телефону в роты» [7. С. 32].

Поэтому новым союзником были недовольны в первую очередь как раз те, кто бок о бок с ним находился в окопах. От надежности соседа — румынского подразделения — зависела судьба боя, и, следовательно, жизни русских солдат и офицеров. Так, в своем донесении в Ставку от 26 декабря 1916 г. начальник Кавказской туземной конной дивизии князь Д.П. Багратион утверждал, что существующие взаимоотношения с румынами в конечном счете «могут привести к катастрофическим результатам», «румынская армия ни в моральном, ни в техническом, ни в материальном отношении не подготовлена к ведению серьезных операций. Совместные боевые действия с румынами невозможны [...]. Отношение населения к нам недоброжелательно и даже враждебно, особенно вблизи фронта». Указывая, что все румынские войска выводятся в тыл, русские командиры предлагали не церемониться и сформировать полностью русский фронт в Румынии — в январе румынские части занимали лишь тридцатикилометровый участок из общего протяжения Румынского фронта в 430 верст. Шесть румынских дивизий, еще более-менее сохранивших боеспособность, были сведены во 2-ю армию А. Авереску, а прочие отошли в тыл, где приводились в порядок французскими инструкторами. В итоге князь Багратион предлагал взять управление остатками румынской территории и ее войсками в свои руки, а румынские части на фронте заменить русскими, чтобы застраховаться на время боев от любых неожиданностей [2. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1030. Л. 18об.—19].

Недоверие к новому союзнику со стороны отдельных российских командиров порой приводило к созданию драматических ситуаций, чреватых поражениями. Несогласованность действий между союзниками становилась причиной разрозненности и среди самих же русских частей. Хаотическое управление играло на руку австро-германцам, оттеснявшим русских и румын на север. Например, именно вследствие несогласованности были потеряны Фокшаны, которые, при условии твердого управления, вполне можно было удержать, так как противник уже совершенно выдохся и мог вести бои скорее по инерции, на пределе сил. Защищавшие район Фокшан русско-румынские части, подчиняясь разным высшим штабам, вводились в бой по частям и не могли противостоять атакам германцев. Общее отступление не способствовало твердости управления штабом В.В. Сахарова — получалось, что каждый русский командир зачастую сам определял себе задачи на боевые действия. К.-Г. Маннергейм в воспоминаниях упомянул о факте отхода во время оборонительных боев на подступах к Фокшанам соседней русской части, что повлекло за собой серьезные тактические последствия на этом важном участке фронта. В декабре 12-я кавалерийская дивизия

Маннергейма вместе с румынской бригадой полковника Стурдзе, также входившей в «группу Вранча», совместно с 2-м армейским корпусом В.Е. Флуга и Уссурийской казачьей дивизией А.М. Крымова защищали подступы к долине реки Серет. Однажды утром Маннергейм обнаружил, что генерал Крымов, не предупредив соседей, неожиданно отвел свою дивизию на тыловые позиции. Противник, не теряя времени, поспешил занять центральную часть горной цепи Магура с господствующей над местностью вершиной. В итоге командовавший румынскими войсками на этом участке А. Авереску был вынужден оставить город Фокшаны, над которым явственно обозначилась угроза противника. Попытка контрудара, предпринятая русскими, не имела успеха. Как объяснил причину отхода сам А.М. Крымов, «утратив всякое доверие к румынской армии, я решил вывести дивизию к ближайшему русскому корпусу и там доложить об этом командованию» [8. С. 66–67].

К началу 1917 г. Восточный фронт общим протяжением почти 1800 верст включал в себя четыре фронта: Северный (390 верст; от Рижского залива до озера Нарочь), Западный (480 верст; от озера Нарочь до железной дороги Ковель – Сарны), Юго-Западный (470 верст; до горы Батошу), Румынский (430 верст; до деревни Кислица). Огромное количество войск, сосредоточенных в Румынии и близлежащих районах с обеих сторон, совершенно не соответствовало оперативному значению данного района, условиям местности и времени года. Поэтому уже с конца декабря, как только стало ясно, что сражения затухают сами по себе вследствие усталости войск, и русские, и австро-германцы приступили к переброске части сил и средств на другие театры Первой мировой войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. М., 1922. Ч. 6. Румынский фронт.
2. Российский государственный военно-исторический архив.
3. *Деникина-Грей М.А.* Генерал Деникин: Воспоминания дочери. М., 2005.
4. Государственный архив Российской Федерации.
5. Французские армии в мировой войне. М., 1940. Т. 8. Восточная кампания. Вып. 2. Издание французского генерального штаба.
6. Военно-исторический журнал. 1973. № 6.
7. Военная быль. 1974. № 128.
8. *Маннергейм К.Г.* Воспоминания. Минск, 2004.